

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-100-112
EDN: ROTFQC

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1921–1923 ГОДОВ

Репинецкий А. И., Циденков Г. Г.*

Самарский государственный социально-педагогический университет
(443090, Россия, Самара, ул. Максима Горького, 65/67)

*E-mail: gcidenkov@yandex.ru

Для цитирования:

Репинецкий А. И., Циденков Г. Г. Демографическая ситуация в Самарской губернии в период голода 1921–1923 годов // Народонаселение. – 2025. – Т. 28. – № 3. – С. 100–112. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-100-112; EDN: ROTFQC

Аннотация. Голод 1921–1923 гг. охватил огромную территорию страны. В эпицентре голода находилась Самарская губерния. Голод оказал разрушающее воздействие на все аспекты жизнедеятельности человека, в том числе и его демографическое поведение. В статье рассмотрены различные аспекты демографической ситуации, сложившейся в губернии: естественное и механическое движение населения, брачность, разводимость. Сложность анализа демографических процессов объясняется скудостью источников. Голод парализовал деятельность органов власти, особенно на местах, что привело к прекращению текущего учёта населения. Наиболее остро эта ситуация сложилась в сельской местности губернии. Большинство сведений о демографическом состоянии голодавших уездов зачастую носят неполный характер, либо содержат большие погрешности в подсчете текущего населения. Статья написана на основе документального материала, хранящегося в государственных архивах Самарской области. Помимо этого, в статье использованы материалы Шведской миссии Красного Креста, работавшей на территории Самарской губернии. Сотрудники миссии вели демографический учёт населения на территории волостей, где миссия открыла питательные пункты, т.к. для правильной организации питания необходимо ясно представлять численность населения и его движение. Эти материалы чрезвычайно важны при почти отсутствии текущего учёта сельского населения. Даже отмечая неполноту этих материалов, их анализ позволяет представить динамику демографических процессов, проходящих в сельской местности губернии. В настоящее время эти материалы хранятся в Национальном архиве Швеции (Riksarkivet) в Стокгольме. Статистические ведомости Шведской миссии Красного Креста впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: голод, численность населения, рождаемость, смертность, эпидемии, младенческая смертность, естественный прирост населения, брачность, разводимость.

Голод 1921–1923 гг. стал одним из наиболее страшных испытаний населения Советской России. Причины голода хорошо известны — это целая комбинация факторов: бедность крестьянского населения в Российской империи, Первая мировая война, революция и гражданская война в России, истощение хлебных запасов в стране, продразвёрстка и природные катаклизмы. 1921 г. — год страшной засухи: в конце мая 1921 г. установилась жаркая погода со среднесуточной температурой 30° С при полном отсутствии дождей. Уже к концу июня иссушённая земля была вся в трещинах, куда по локоть могла погрузиться рука взрослого мужчины. Отсутствие зерновых запасов и полное уничтожения озимых, а затем и яровых посевов, сделало крестьян абсолютно беззащитными перед нашествием голода. Необходимо также учитывать, что голод обрушился на истощённое войнами крестьянское хозяйство, с резким уменьшением мужского населения, изношенным сельхозинвентарём, сокращёнными посевными площадями и рабочим скотом. Демографические сведения с мест носили разрозненный и, зачастую, неточный характер.

Материалы и методы

Изучение голода начала 1920-х гг. прошло не однозначный путь. В 1920-е гг. активно издавались статья и брошюры о ситуации в голодающих районах, организации помощи голодающим. В основном они были написаны партийными и советскими функционерами, как правило, участниками ликвидации бедствия. В Самарской губернии Центральный Комитет Помощи голодающим (ЦК Помгол) издавал журнал «В центре голода», являющийся одним из основных источников по данной проблеме и в настоящее время. В Самаре, находящейся в центре огромного голодающего района, был создан музей голода.

Голод, охвативший значительные регионы страны в начале 1930-х гг., и который официальные власти не замечали, привёл к продолжительному падению интереса к изучению голода начала 1920-х годов.

Только в 1950–1960 гг. появляются отдельные сюжеты о голоде в работах, посвящённых истории страны после гражданской войны (Ляшенко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1955; Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922). Москва, 1954; Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. Москва, 1960 и другие), выходят и отдельные статьи, посвящённые борьбе с голодом (Агриков П. А., Башкиров А. С., Лычев И. А. Война с голодом в Поволжье в 1921–1922 гг. // История СССР. 1963. № 1 и другие). Прорывом в изучении этой проблемы стала работа известного российского историка Ю. А. Полякова «1921-й: победа над голодом». (Москва, 1975). На большом фактическом материале автор проанализировал причины голода, организацию помощи голодающим, помощь иностранных государств, организаций и отдельных лиц, борьба с последствиями голода. Впервые одной из причин голода были названы ошибки в продовольственной политике советского государства, показана большая роль международной помощи голодающим [1–4].

Последней крупной работой о голоде в Поволжье стала работа В. А. Полякова «Голод в Поволжье ...» [5]. Автор рассматривает голод начала 1920-х гг. как национальную катастрофу. Помимо традиционных сюжетов в работе представлены и новые направления исследования. Так расширено представление о причинах голода: помимо традиционных (продразвёрстка, итоги заготовительных кампаний) автор подробно проанализировал изменение характера труда в крестьянских хозяйствах, состояние транспорта. Иностранная помощь рассмотрена через призму противостояния власти и общества по вопросу её организации. Более акцентированно автор остановился на анализе практик выживания не только населения, но и власти в условиях голода, изменение налогообложения крестьян в годы бедствия. Работа непосредственно Шведского Красного Креста в Самарской губернии была впервые описана в статье Ю. Ю. Аншаковой [6].

Обсуждение

Все вышеназванные авторы так или иначе касались демографической ситуации, сложившейся в голодающих районах. Однако эти сведения в основном затрагивали два аспекта — подсчёт общего числа жертв голода и анализ повышенной смертности населения. Между тем такие проявления демографического поведения, как механическое движение населения, рождаемость, брачность и разводимость остаются не исследованы. Основными источниками для изучения демографического состояния стали архивные документы: официальные документы губернского комитета помощи голодающим, анкеты, заполняемые местными представителями власти, статистические сведения отдела демографической статистики Самарского губернского статистического бюро и другие материалы. Основной массив документального материала находится в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО) и Самарском областном государственном архиве социально-политической истории (СОГАСПИ). В 2014 г. научные сотрудники этих архивов подготовили и издали сборник документов «Голод в Средневожском крае в 20–30-е годы XX века. Том 1. «Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века». (Самара, 2014). В сборнике содержится массив документов, охватывающий различные аспекты этого страшного явления. Большинство из опубликованных документов впервые введён в научный оборот. В настоящее время это наиболее полное издание документов, посвященное голоду начала 1920-х гг. в Самарской губернии.

Следует отметить, что анализ демографических процессов затрудняет отсутствие полных статистических данных текущего демографического учёта населения. Бедствие, обрушившееся на губернию, нарушило работу губернских, уездных и волостных органов управления, в том числе и губернского статистического комитета. Продолжительное время он не мог добиться данных текущего демографического учёта от уездных и волостных органов власти.

Только в конце 1921 г. такой учёт удалось наладить, но и он охватил не всю территорию губернии.

В итоговой сводке ЦК Помгол определил общее количество голодающих в 31714 тыс. человек в целом по стране. Центральная власть определила Самарскую губернию «центром голода»¹. По состоянию на начала 1920 г. в Самарской губернии проживало, по данным губернского статбюро, 1511 тыс. человек взрослого населения и 1264 тыс. человек детского населения (от 0 до 15 лет)². Численность и возрастной состав населения отражали структуру общества — 45,5% населения составляли дети и подростки. Эти данные, с одной стороны, показывают высокие людские потери, которые понесло население губернии за годы Первой мировой и гражданской войн. С другой — высокая численность детей и подростков говорит о начавшемся процессе компенсаторной рождаемости.

Голод 1921–1923 гг. охватил всё население губернии. Донесения уполномоченных волисполкомов свидетельствовали о крайне тяжелом положении населения. С конца осени 1921 года, уполномоченные констатировали, что ежедневная смертность в населённых пунктах составляла 10–30 человек. Из Богородской волости в начале января 1922 г. сообщали: «Население находится в самом плачевном положении. Суррогаты доедаются все. Скот убит или выменян на продукты, которые съедены. Болезни от голода развиваются в самом широком масштабе, смертность от голода доходит до 16 чел. в день ...»³. Из Имилеевской волости сообщали, что из населения 7135 человек, 5602 (78,5%) человека не имеет ничего, остальное население имеет суррогатов на 2, максимум на 3 дня⁴.

¹ Обращение ЦК РКП(б) «О регулярной помощи голодающим (ноябрь 1921 г.) // Справочник партийного работника. Москва, 1921. Вып. 2. — С. 161.

² Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 91. Л. 67.

³ Голод в Средневожском Крае в 20–30-е годы XX века. Том 1. Голод в Самарской губернии в 20-е годы XX века. Сборник документов ГБУСО «Самарский областной государственный архив социально-политической истории», ГБУСО «Центральный государственный архив Самарской области». Самара, 2014. — С. 16.

⁴ Там же. С. 159.

В пищу шли самые разнообразные суррогаты — крапива, шишки, лебеда, просеянная солома и мякина, гороховая солома, лошадиный щавель, конопляный и подсолнечный колоб, кожа скота, а осенью, когда и они кончились население начало питаться глиной. Председатель Самарского губисполкома В.А. Антонов-Овсеенко, характеризуя состояние голодающего населения в сообщении IX Всероссийскому съезду Советов (24 декабря 1921 г.) писал: «Миллионы людей голодают... это значит, что людям уже нечего жевать, что они грызут мёрзлую землю, что они сходят с ума от постигшего их несчастья...»⁵. Употребление в пищу суррогатов привело к распространению заболеваний — «катар желудочно-кишечного тракта, малокровие, истощение с абсолютным упадком сил, опуханием от голода и сыпным возвратным и брюшным тифом»⁶.

Уровень смертности от эпидемических заболеваний был высок. Особо широко были распространены разные формы тифа. По подсчётам авторов, уровень смертности от тифа в Самаре и Самарском уезде (регистрация смертности по её причинам проходила только в этих двух местностях) в конце осени 1921 г. составил: сыпной тиф — 17,6% смертности от общего числа заболевших, брюшной — 7,9%, возвратный — 49,4%, от тифа без указания разновидности — 13,7%⁷. Наибольший уровень смертности зафиксирован от возвратного тифа, который обрушивался на организм, истощённый предыдущим заболеванием и голодом. От него умирало половина заболевших. В целом от различных форм тифа умерло 22,1% заболевших, т.е. почти каждый четвёртый, а уровень смертности от тифа составил 88,6% умерших. При этом надо учитывать, что большинство умерших страдало от голода, их организм не мог сопротивляться болезни.

Борьбу с эпидемии и болезнями затрудняло слабость системы здравоохранения.

В Самарской губернии действовали 152 больницы (из них 10 детских), в которых насчитывалось 6787 коек. В медицинских учреждениях губернии работало 185 врачей и 498 фельдшеров⁸. Таким образом одна койка приходилась на 409 жителей губернии, что в условиях массового распространения эпидемий было явно недостаточно. Более тяжёлая ситуация сложилась с медицинским персоналом: один врач приходился на 15002 человек, а один фельдшер на 5573 человека. Естественно в этих условиях большинство населения было лишено возможности получения своевременной и квалифицированной медицинской помощи.

В крайне тяжёлом положении оказались дети. По данным ЦК Помгола, ежедневно количество брошенных детей составляло 200–300 человек. Детские дома могли принять только 10% от брошенных детей, так как были переполнены⁹. Немецкий коммунист Ф. Юнг, посетивший места проживания немецких колонистов в Поволжье, был поражён отношением населения к своим детям. Он замечает, что родители больше заботились о своём скоте, чем о детях. Ф. Юнг описал ситуации, когда детей гонят из деревни кнутами — «ступайте туда, где вас будут кормить» [7, с. 43], бросают на пристанях, чтобы дети не мешали штурмом занять место на уплывающем пароходе [7, с. 80]. Ф. Юнг восклицает: «И это у немецких крестьян Поволжья, о которых говорят, что они так высоко стоят в культурном отношении...» [7, с. 43–44]. Вполне возможно, что Ф. Юнг не совсем разобрался в сложившейся ситуации — подобные действия родителей были направлены на спасение детей, рассчитывающих, что государство сможет их прокормить.

По данным Губернской комиссии помощи голодающим (Губкомпомгол) на 1 января 1922 г. количество голодающих детей (до 15-ти лет включительно) составило 1134118 человек. На 1 января 1921 г. количество детей в губернии насчитывалось 1264417 человек, таким образом голода-

⁵ IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчёт. Москва, 1921. — С. 16.

⁶ Голод в Средневолжском Крае в 20–30-е годы XX века.... — С. 103.

⁷ Там же. С. 83.

⁸ Там же. С. 110.

⁹ Там же. С. 160.

ло 89,7% детей. Государство организовало эвакуацию детей в благополучные районы. Всего на 1 января 1922 г. было эвакуировано 8695 детей¹⁰ — конечно, это капля в море голодающих и умирающих. Свидетельством напряжённости ситуации является и тот факт, что даже Губкомпомгол не имел точных данных о количестве детей, находящихся в детских домах. Это было связано как с постоянно меняющейся ситуацией — большая смертность и поступление на место умерших новых детей, так и с плохо налаженным статистическим учётом.

Проводилась и эвакуация взрослого населения. Организованным путем было эвакуировано на 1 января 1922 г. 116846 человек¹¹. Количество бежавших от голода точному учёту не поддаётся. Стихийная эвакуация населения не была организована, голодные люди устремлялись на юг в Туркестан. Не случайно в Поволжье говорили: «Ташкент — город хлебный». Но где он — Ташкент, беженцы не знали, поэтому они всеми правдами и неправдами стремились попасть на поезда, следовавшие в южном направлении. Ф. Юнг пишет, что «... несчастные бегут теперь, куда глаза глядят. У них нет крова ни тут, ни там. У них нет ничего кроме ключев одежды на тощем теле...» [7, с. 80]. Он приводит пример, когда немецкие колонисты, отправившиеся в Туркестан, оказались в Симбирской губернии, находящейся на грани голода. Положение этих переселенцев оказалось «ужасно» [7, с. 76]. Ситуация голода притупляла человеческие чувства, превращала человека в животное с главным инстинктом — утоление голода. Донесения с мест полны сообщений о трупоедстве и людоедстве. В губернские органы постоянно поступали сведения об увеличившейся численности людоедов и трупоедов. Последних не трогали, а местные власти не знали, что делать с людоедами. Арестованные людоеды постоянно требовали еды, наблюдались случаи нападения на сокамерников. Средств накормить их не было, выпускать на свободу так-

же было нельзя из-за опасения рецидивов и нападений на людей. Создалось безвыходное положение [8, с. 256].

Губернское статистическое бюро смогло наладить текущий учёт населения, в том числе регистрацию смертности от голода только с января 1922 г.¹² Однако статистические данные поступали, прежде всего, из городской местности. Результатом этого стало появление обобщающих таблиц. Приведём одну из таких таблиц с некоторыми сокращениями (табл. 1). Данные, приведённые в таблице, касаются городского населения (в губернии был один губернский и 6 уездных городов), но они отражают общую тенденцию, связанную с демографической ситуацией в регионе. Вызывает сомнение достоверность данных по г. Бузулуку: по сравнению с другими городскими поселениями в нём отмечена крайне низкая смертность населения и отсутствие младенческой смертности, а ситуация в городе ничем не отличалась от других городов.

Естественно, уровень смертности населения значительно превышал уровень рождаемости. Как видно из табл. 1 был крайне высок уровень младенческой смертности. В подлиннике таблицы осталась незаполненной графа «мертворождённые». Вряд ли это отражает реальное состояние дел и можно предположить, что мертворождённые, составили значительную часть показателя младенческой смертности. Вероятно, исходя из данных таблицы, новорождённые составляли около 70% от младенческой смертности. Высокая степень смерти новорождённых связана с истощением организма матери, отсутствием у матерей молока и продуктов для искусственного вскармливания и рождением ослабленных младенцев.

В городской местности губернии даже в такой напряженный период продолжали создаваться новые семьи. Всего было заключено 145 браков, основное число которых приходится на два самых крупных города губернии: Самара и Бугуруслан — 64% всех заключённых браков. В январе 1922 г. не было зафиксировано ни одного развода,

¹⁰ ЦГАСО. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 91. Л. 68 об.

¹¹ Голод в Средневолжском Крае в 20–30-е годы XX века.... — С. 110.

¹² Там же.

Таблица 1

Общие сведения об естественном движении городского населения за январь 1922 года

Table 1

General information on the natural movement of the urban population for January 1922

Город	Число браков	Число разводов	Число родившихся	Число умерших	В том числе детей моложе года
Самара	69	-	105	1175	137
Бугуруслан	24	-	28	108	-
Балаково	13	-	19	391	27
Ставрополь	7	-	13	51	1
Мелекесс	9	-	34	101	15
Пугачёв	4	-	37	159	10
Бузулук	19	-	43	3	-
Всего	145	-	279	1988	190

Источник: Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Т. 1. Сб. документов. Самара, 2014. С. 418.

что вполне закономерно в условиях голода и высокой смертности населения. Хотя данные о брачности и разводимости, в отличие от данных о рождаемости и смертности, не всегда отражают истинную картину. В это время широкое распространение получил «гражданский» брак, приравненный к юридическому. В провинции «гражданский» брак не получил широкого распространения и затронул только часть горожан. Это обстоятельство необходимо учитывать при анализе демографического поведения населения. Первый официальный развод был зафиксирован в феврале 1922 г. в Бугуруслане, а в марте два развода произошли в Самаре.

Данные текущего демографического учета населения позволяют показать динамику демографических показателей городского населения Самарской губернии за 1922 г. (табл. 2). Несмотря на неполные сведения, данные, приведённые в табл. 2, дают возможность выявить тенденции демографического развития населения губернии в период голода. Пик голода пришёлся на зиму и весну 1922 года. Пик смертности пришёлся на февраль, когда в городах губернии умерло более 2 тыс. человек. Однако, как видно из приведенных данных, смертность долгое время оставалась на высоком уровне. До сентября она превышала тысячу человек. Снижение смертности наблюдает-

ся с сентября 1922 г. и идёт по нарастающей. Высокая смертность летом, когда организм мог получать витамины от овощей и фруктов, объясняется тем, что человеческий организм был истощён голодом и не мог сопротивляться болезням. Сложно высчитать коэффициент смертности, так как не известна точная численность населения губернии в этот период. Это, как было уже сказано, связано с неполнотой статистических сведений и их отсутствием за 1921 г.: неполнота сведений наглядно проявилась в статистике умерших детей до года. По отдельным месяцам количество умерших в Самаре превышало численность умерших во всех остальных городах, что явно свидетельствует об ущербности статистики текущего демографического учёта. Отмечая высокую смертность населения, надо учитывать, что среди городского населения она была значительно ниже, чем сельского.

Проблема неполноты сведений присуща и статистике рождаемости. Не все городские поселения представили полные данные о рождаемости. Довольно высокие показатели рождаемости за первые четыре месяца объяснимы тем, что зачатие младенцев пришлось на март-июнь 1921 г. когда население еще не подозревало о масштабах охватившего бедствия. На эти же месяцы приходится и наиболее высокие показатели младенческой смертности, так как к момен-

Таблица 2

Общие сведения об естественном движении городского населения Самарской губернии за 1922 год

Table 2

General information on the natural movement of the urban population of Samara province for 1922

Месяц	Число браков	Число разводов	Число родившихся	Число умерших	В том числе детей моложе года
Январь	145	0	279	1988	190
Февраль	189	1	248	2059	154
Март	44	2	324	1934 (без Мелекесса и Бузулука)	172 (без Мелекесса и Бузулука)
Апрель (без Бузулука)	87	3	312	1562	146
Май (без Бузулука)	145	2	194	1189	105
Июнь	108	6	162	1012 (без Мелекесса)	174 (данные только по Самаре)
Июль	153	8	266	849 (без Мелекесса)	141 (данные только по Самаре)
Август	114	6	319	1159 (без Мелекесса)	114 (данные только по Самаре)
Сентябрь	178	8	304	962 (без Мелекесса)	63 (данные только по Самаре)
Октябрь	173	5	250 (без г. Ставрополя)	635 (без Мелекесса)	41 (данные только по Самаре)
Ноябрь	171	1	276 (без г. Бузулук)	599 (без Мелекесса)	43 (данные только по Самаре)
Декабрь	Отрывочные сведения, не позволяющие определить динамику				
Всего (с учётом указанных выше исключений)	2887	42	2294	13948	1343

Источник: Таблица составлена по материалам: Голод в Средневолжском крае в 20–30-е годы XX века. Т. 1. Сб. документов. Самара, 2014. С. 418–424.

ту рождения материнский организм был истощен, что сказывалось и на состоянии младенцев. Обращает внимание высокая цифра рождаемости в августе. Объяснить ее можно тем, что в этом месяце родились дети, зачатие которых пришлось на осень 1921 г. Осень в традиционном российском обществе было временем свадеб, и, можно сделать вывод, что, несмотря на голод, в среде городского населения, продолжали заключаться браки. В следующие месяцы 1922 г. численность родившихся снижается. В целом уровень смертности значительно превышал уровень рождаемости. За 11 месяцев 1922 г. по неполным данным умерло 13948 человек, а родилось — 2254: на одно рождение пришлось 6 смертей.

Свидетельством того, что население в 1922 г. начало возвращаться к нормальной жизни стал рост числа браков. Январь

и февраль продемонстрировали высокий уровень заключения браков, затем происходит спад и начиная с мая показатели брачности стабилизируются. Всего (по неполным данным) в 1922 г. было заключено 2887 браков среди городского населения. Определённым показателям стабилизации социума стало и наличие разводов. Высокий уровень разводимости был не характерен для населения провинции: максимальное количество разводов — 8 пришлось на июль, а всего было зафиксировано 42 развода. Таким образом, один развод приходился на 69 браков.

Состояние текущего статистического учёта не позволяет проанализировать демографические процессы среди сельского населения губернии. Существуют сведения по отдельным сельским территориям. Данные о естественном движении населения

в условиях голода собирали и организации, оказывающие помощь голодающим. Среди иностранных организаций, оказывавших помощь голодающим, особая роль принадлежит Шведской экспедиции Красного Креста. После Американской Администрации Помощи она оказывала наибольшую помощь голодающим. Особо уполномоченный по иностранным миссиям Самарского уездного исполкома А. Г. Панкратов отмечал, что миссия в марте 1922 г. отпускала 20598 порций для голодающих ежедневно. Эта помощь постоянно нарастала, и к концу месяца эта цифра выросла до 32096 порций¹³. К январю 1923 г. миссия отпустила 650 тысяч порций¹⁴. Кроме того, Шведская миссия предоставляла голодающему населению семена для весеннего сева и организовывала общественные работы [9, с. 181].

Помимо оказания широкомасштабной помощи голодающим Шведская миссия Красного Креста собирала сведения о текущем движении населения в волостях, где они осуществляли продовольственную помощь. Это было необходимо для понимания ситуации с численностью голодающего населения, в том числе голодающих детей. Работников миссии также интересовало наличие рабочего скота, перспективы посевной кампании. Сотрудники этой миссии собрали материал по 9 волостям Самарской губернии: Воскресенской, Дмитровской, Дубово Умётской, Кобельминской, Колокольцевой, Купинской, Покровской, Томыловской, Черноречьевской и селу Яблоневый Овраг. Помимо сводных таблиц были и подготовительные материалы по селам, входящим в данные волости.

Документы заполнены от руки, ряд цифр прочитываются с трудом, почти не читаемы материалы по волостям Кобельме и Колокольцевке. По Купчинской и Покровской волостям отсутствуют данные об общей численности населения. Особая ценность данного документального материала в том, что он даёт возможность не только сделать срез

демографического состояния в период голода, но и показать динамику демографического развития региона. Составители справок рассмотрели демографическое состояние местностей, где они работали за 1914, 1919–1922 гг. (данные за 1922 г. представлены лишь за первое полугодие). Эти данные представляют большой интерес. Как уже отмечалось органы государственной статистики не смогли собрать информацию за 1921 г. и имеющиеся сведения по отдельным волостям и селам в определённой мере позволяют восполнить этот пробел. Справки составлены помесечно, в них отмечено общая численность мужчин и женщин, а также количество родившихся и умерших. В настоящее время эти документы хранятся в фондах Шведского Красного Креста в Национальном архиве Швеции (Riksarkivet) в Стокгольме. Данная статья — это первая попытка введения этих данных в научный оборот.

Результаты

В 1914 г. в Воскресенской, Дмитровской, Дубово Умётской, Купинской, Покровской, Томыловской, Черноречьевской и селу Яблоневый Овраг родилось 1720 человек, умерло — 1162 человека. 1914 г. — начало Первой мировой войны. Мобилизация на войну мало повлияла на уровень рождаемости, так как рождались дети, зачатые в предвоенный период. Можно предположить, что среди умерших были и жертвы военных действий, но вряд ли их было много. Динамика естественного движения населения носит положительный характер — рождаемость превысила смертность на 558 человек (табл. 3). Как видно из представленных материалов отрицательный естественный прирост населения наблюдался в 1919 году. Переход к мирной жизни ознаменовался высоким уровнем рождаемости. В 1919 г. в указанных волостях родилось почти столько же детей, как и в 1914 году. Отрицательный естественный прирост населения связан, прежде всего, с эпидемией тифа на территории губернии. В 1920 г. отмечен рост рождаемости, которая превысила предыдущие показатели. Показатели

¹³ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ), Ф. 58. Оп. 1. Д. 249. Л. 15, 16.

¹⁴ ЦГАСО. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 168. Л. 18.

рождаемости за 1919 и 1920 гг. позволяют утверждать о незначительной волне компенсаторной рождаемости. Однако продолжающаяся эпидемия тифа (в 1920 г. в основном фиксировался возвратный тиф) при-

вела к высокому росту смертности и нивелировала положительные последствия компенсаторной рождаемости. Таким образом, голод 1921–1922 гг. обрушился на ослабленное население.

Таблица 3

Естественный прирост населения, человек

Table 3

Natural population growth, persons

Год	Родилось	Умерло	Естественный прирост
1914	1720	1162	+558
1919	1709	1905	-196
1920	1936	1930	+6
1921	2057	2311	-254
1922 (январь-июнь)	675	2009	-1334

Источник: таблица составлена по материалам: Riksarkivet/SE/RA/730236/1/18/F/2.

В 1921 г. выросли показатели как рождаемости, так и смертности. Рост рождаемости определили те же показатели, что и в предыдущий период: переход к мирной жизни, увеличение числа супружеских союзов, компенсаторная рождаемость. В 1921 г. рождались дети, зачатые в 1920 г. и начале 1921 г., когда население не могло представить масштабы голода. Одновременно с ростом рождаемости возросли и показатели смертности. Особо резко она выросла со второй половины года, когда у крестьян закончились продовольственные запасы и пищевые суррогаты.

Особо резкое сокращение уровня рождаемости было зафиксировано в первой половине 1922 г.: в это время рождались дети, чье зачатие приходилось на голодный 1921 год. Продолжал расти и уровень смертности. Её показатели за первую половину года приблизились к показателям смертности в 1921 г. — количество умерших за этот период вдвое превысило численность рождённых. Таким образом, ситуация гражданской войны с продразвёрсткой, эпидемия, разгулом бандитизма привела к отрицательному естественному приросту населения, а голод начала 1920-х гг. усугубил отрицательные демографические процессы в регионе.

Статистические материалы Воскресенской, Дмитриевской, Дубово Умётской

и Чернореченский волостей дают возможность проследить динамику численности населения (данные приведены на начало текущего года). В 1914 г. на территории вышеназванных волостей проживало 28669 человек. Численность населения этих волостей после окончания Первой мировой войны и окончания боевых действий на территории губернии составило в 1919 г. 29872 человека. Потрясения, связанные с военными действиями, замедлили рост населения, но не привели к снижению его численности. Большой урон численности населения нанесли эпидемии, обрушившиеся на губернию в 1919–1920 годах.

Голод начала 1920-х гг. привёл к уменьшению численности населения. В 1921 г. в данных волостях проживало 27024 человека, что было на 2135 человек меньше, чем в предыдущем 1920 году. Уровень смертности составил 7,9%. За первое полугодие 1922 г. численность населения составила 25177, что было меньше показателей предыдущего года на 1847 человек. Таким образом смертность за 1921 г. и первую половину 1922 г. по четырем волостям составила 3982 человека. Интересно сравнить уровень смертности по имеющимся данным. В 1914 г. умерло 3,4% населения уездов, в 1919 г. — 21,6%, 1920 г. — 5,3%, 1921 г. — 6,2%, первое полугодие 1922 г. — 5,9%. Та-

ким образом, наибольший процент смертности пришёлся на 1919 г., когда вымерло больше пятой части населения данных уездов в основном из-за эпидемий тифа.

Уровень смертности в уездах в 1921 г. также различался. Наиболее высоким он был в Дубово-Умётской волости, где смертность составила 9,2%, наименьший — в Воскресенской — 4,7%. В Чернореченской волости он составил 4,8%, в Димитровской — 7,6%. Общая смертность в этих волостях составила 6,6%. Уровень смертности, зафиксированной представителями Шведской миссии Красного Креста, несколько ниже принятых значений. Точное число умерших от голода подсчитать невозможно. Считается, что умер каждый десятый житель губернии. Более низкие показатели, зафиксированные Шведской миссией Красного Креста, можно объяснить рядом факторов. Во-первых, чрезвычайная ситуация, сложившаяся в голодающих районах, не давала возможности организовать полноценный демографический учёт. Умершие от голода долгое время оказывались не погребёнными из-за отсутствия лиц, способных это сделать. Так, из Богородской волости Бугурусланского уезда сообщали, что в течение зимы захоронения не производились, а «... трупы не зарываются, а складываются в сараях и конюшнях»¹⁵. Такое же положение было и в других населённых местах губернии. Само погребение производилось в общую могилу, зачастую без регистрации смерти, без поимённого учёта каждого погребённого. Во-вторых, сами представители Шведской миссии отмечали, что в сельских местностях, подвергнувшихся голоду, было сложно найти образованных людей, а именно они и должны были вести демографическую статистику. Можно с большой долей вероятности предположить, что низкий уровень квалификации работников, нанятых из местного населения, и стал причиной возможного искажения данных демографического учёта. То, что статистику вели русские служащие миссии свидетельствует и тот факт, что документы написаны на рус-

ском языке. В-третьих, можно сказать, что тиф в 1919 г. буквально выкосил слабое население волостей. Учитывая состояние медицинской помощи, выжали самые сильные, которые смогли противостоять голоду. В-четвёртых, возможно, служащие сознательно занижали уровень смертности. Количество пайков выделялось живым людям, и появлялась возможность присвоения пайков умерших лиц. В документах не содержится сведений, указывающих на такую практику. Однако в воспоминаниях представителей организации квакеров, оказывающих продовольственную помощь голодающему населению Самарской губернии, отмечаются подобные факты со стороны представителей местных властей [10, с. 185].

Анализ демографического состояния населения голодающих регионов свидетельствует о серьёзном ущербе, нанесённом человеческому потенциалу страны. В то же время даже в это страшное время жизнь продолжалась — заключались браки, рождались дети. К сожалению, база источников не позволяет установить точную цифру погибших. В научной литературе утвердилась цифра 1 млн человек погибших от голода и болезней¹⁶, которая, однако, перманентно пересматривается в контексте новых источников и их трактовок. Исследование голода начала 1920-х гг. продолжается. Появляются новые работы, исследующие разные аспекты этого события. вводятся в научный оборот новые источники. Статистические материалы, собранные Шведской миссией Красного Креста, расширяют источниковую базу изучения голода в России начала 1920-х годов. Дальнейшее их изучение позволит перейти к исследованию этого голода на уровне отдельных волостей и сёл.

¹⁵ Голод в Средневолжском Крае в 20–30-е годы XX века.... — С. 91.

¹⁶ Население России в XX веке. Т. 1. 1900–1939 гг. Москва, 2000. — С. 133.

Литература и Интернет-источники

1. **Генкина Э. Б.** Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922) / Э. Б. Генкина. – Москва : Госполитиздат, 1954. — 504 с.
2. **Трифонов, И. Я.** Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа / И. Я. Трифонов. — Москва : Политиздат, 1960. — 279 с.
3. **Агриков, П. А.** Война с голодом в Поволжье в 1921–1922 гг. / П. А. Агриков, А. С. Башкиров, И. А. Лычев // История СССР. — 1963. — № 1. — С. 160–166.
4. **Поляков, Ю. А.** 1921-й: победа над голодом / Ю. А. Поляков. — Москва : Политиздат, 1975. — 112 с.
5. **Поляков, В. А.** Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия: диссертация ... доктора исторических наук по специальности 07.00.02 / Вячеслав Александрович Поляков. — Волгоград, 2009. — 660 с.
6. **Аншакова, Ю. Ю.** Гуманитарная деятельность Шведского Красного Креста в России во время голода начала 1920-х годов / Ю. Ю. Аншакова // Российская государственность: от истоков до современности. Материалы международной научной конференции (Самара, 13–15 сентября 2012 г.). — Самара : Издательство Самарского научного центра РАН, 2012. — С. 448–453.
7. **Юнг, Ф.** Бедствующее Поволжье / Ф. Юнг. — Петроград : Издательство Коммунистического интернационала, 1922. — 122 с.
8. **Циденков, Г. Г.** «Обыкновенный людоед». Виды и типы каннибалов на примере голода в Поволжье в 1921–1923 гг. / Г. Г. Циденков // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. — 2019. — С. 254–260. EDN: KEODEL
9. **Циденков, Г. Г.** Организационная структура миссии Шведского Красного Креста по оказанию помощи голодающим Самарской губернии во время голода 1921–1923 годов / Г. Г. Циденков // Самарский научный вестник. — 2018. — Т. 7. — № 1(22). — С. 179–182. EDN: YRIAQM
10. **Макфадден Д.** Советская Россия 20-х гг. глазами друзей / Д. Макфадден, К. Горфинкел. — Самара : Ас Гард, 2010. — 267 с.

Сведения об авторах:

Репинецкий Александр Иванович, д.ист.н., проф. Самарского государственного социально-гуманитарного университета, Самара, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.repinetsky@yandex.ru, РИНЦ SPIN-код: 7645–5972.

Циденков Григорий Геннадиевич, к.соц.н., доцент Самарского государственного социально-гуманитарного университета, Самара, Россия.

Контактная информация: e-mail: gcidenkov@yandex.ru, РИНЦ SPIN-код: 8907–2420.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-100-112

**DEMORGAPHIC SITUATION IN SAMARA PROVINCE
DURING THE FAMINE OF 1921–1923**

Alexander I. Repinetsky, Grigory G. Tsidenkov*

*Samara State University of Social Sciences and Education
(65/67 Maxim Gorky str., Samara, Russia, 443090)*

**E-mail: gcidenkov@yandex.ru*

For citation:

Repinetsky A. I., Tsidenkov G. G. Demographic situation in Samara province during the famine of 1921–1923. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 100–112. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-100-112 (in Russ.)

Abstract. *The famine of 1921–1923 covered a huge territory of the country. In the epicenter of famine was Samara province. The hunger had a destructive effect on all aspects of human life, including demographic behavior. The article examines various aspects of the demographic situation that developed in the province: vital statistics, nuptiality and divorce. The complexity of the analysis of demographic processes is due to scarcity of sources. The hunger paralyzed the activities of government bodies, especially in provinces, that led to cessation of the current population accounting. This situation was most acute in rural areas of the province. Most of the information about the demographic situation in the famine-stricken counties is often incomplete or contains large errors in calculating the current population. The article is written on the basis of the documentary material stored in the state archives of Samara oblast. In addition, the article uses the materials of the Swedish Red Cross mission, which operated on the territory of Samara province. Mission staff conducted demographic accounting of the population on the territory of the volosts (rural districts), where the mission opened feeding points, since for the proper organization of nutrition it was necessary to really know the population size and its movement. These materials are extremely important, since there was practically no current accounting of the rural population. Even noting the incompleteness of these materials, their analysis allows us to present the dynamics of the demographic processes taking place in the rural areas of the province. Currently, these materials are stored in the National Archives of Sweden (Riksarkivet) in Stockholm. Statistical bulletins of the Swedish Red Cross mission are being introduced into scientific circulation for the first time.*

Keywords: *famine, population, birth rate, mortality, epidemics, infant mortality, natural population growth, nuptiality, divorce.*

References and Internet sources

1. Genkina E. B. Perekhod Sovetskogo gosudarstva k novoj ekonomicheskoy politike (1921–1922). [*Transition of the Soviet State to a New Economic Policy (1921–1922)*]. Moscow. Gospolitizdat. 1954. 504 p. (in Russ.)
2. Trifonov I. Ya. Ocherki istorii klassovoj bor'by v SSSR v gody nepa [*Essays on the History of Class Struggle in the USSR in the Years of the New Economic Policy*]. Moscow. Politizdat. 1960. 279 p. (in Russ.)
3. Agrikov P. A., Bashkirov A. S., Lychev I. A. Vojna s golodom v Povolzh'e v 1921–1922 gg. [War on hunger in the Volga region in 1921–1922]. *Istoriya SSSR [History of the USSR]*. 1963. No. 1. P. 160–166. (in Russ.)
4. Polyakov Yu. A. 1921-j: pobeda nad golodom. [1921: Victory over Hunger]. Moscow. Politizdat. 1975. 112 p. (in Russ.)
5. Polyakov V. A. Golod v Povolzh'e, 1919–1925 gg.: proiskhozhdenije, osobennosti, posledstviya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [*Famine in Volga Area, 1919–1925: Origin, Features, Consequences*]. Doctoral diss. Volgograd. 2009. 660 p. (in Russ.)
6. Anshakova Yu. Yu. Gumanitarnaya deyatel'nost' Shvedskogo Krasnogo Kresta v Rossii vo vremya goloda nachala 1920-h godov [Humanitarian activity of the Swedish Red Cross during the famine of the early 1920s]. *Rossiiskaya gosudarstvennost': ot istokov do sovremennosti. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Samara, 13–15 sentyabrya 2012 [Russian Statehood: from the Origin to Modern Times. Proceedings of the international scientific conference (Samara, September 13–15, 2012)]*. Samara. Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Samara Research Center RAS]. 2012. P. 448–453. (in Russ.)
7. Yung F. Bedstvuyushcheje Povolzh'e [Volga Area in Distress]. Petrograd. Izdatel'stvo Kommunisticheskogo internatsionala [Comintern Publishers]. 1922. 122 p. (in Russ.)
8. Tsidenkov G. G. «Obyknoennyj lyudojed». Vidy i tipy kannibalov na primere goloda v Povolzh'e v 1921–1923 gg. [«An ordinary cannibal». Kinds and types of cannibals on the example of the famine of 1921–1923 in Volga area]. *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' [Natural and Geographical Factors in the Daily Life of Russian Population: History and the Present]*. 2019. P. 254–260. (in Russ.)

9. Tsidenkov G. G. Organizatsionnaya struktura missii Shvedskogo Krasnogo Kresta po okazaniyu pomoshchi golodayushchim Samarskoj gubernii vo vremya goloda 1921–1923 godov [Organizational structure of the Swedish Red Cross mission to assist the starving Samara province during the famine of 1921–1923]. *Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Journal of Science]*. 2018. Vol. 7. No. 1(22). P. 179–182. (in Russ.)
10. MacFadden D., Gorfinkel C. Sovetskaya Rossiya 20-h gg. glazami druzej. [*Soviet Russia of the 20s through the Eyes of Friends*]. Transl. from English by L. V. Radchenko. Samara. As Gard [As Gard]. 2010. 267 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Repinetsky Alexander Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia.

Contact information: e-mail: a.repinetsky@yandex.ru; Elibrary SPIN-code: 7645–5972.

Tsidenkov Grigory Gennadievich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia.

Contact information: e-mail: gcidenkov@yandex.ru; Elibrary SPIN-code: 8907–2420.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024, утверждена 10.08.2025, опубликована 30.09.2025.